

Чудо лесное

Жил-был воробей с мышкой. Посеяли они конопля долину. Конопля родилась очень высокой; поспела конопля, воробей может есть, а мышь не может залезть. Сучинили на это они суд, что работали они вместе, мышь: «Я, — говорит, — земли нарыла, а ты коноплю притащил, сеял и вместе, а ты ешь, мне не даешь!» — Слетелись на суд всякие сословья зверей и птицы; наконец сказали: «Давайте, кто кого подолит (осилит), тот будет у нас судьей!»

Лев-зверь счунулся с орлом драться, у орла крыло отломил сразу. На льва-зверя больше никто не полез. Быть ему судьей. Тогда сказал лев-зверь: «Тебя, мышь, не подсаживать, а можешь, так залезай сама и ешь!» — На том и кончилось у них.

Орел остался на земле: лететь ему нельзя; а все разошлись, разлетелись. Мужик идет, стрелец, хочет орла стрелять. Орел говорит человеческим голосом, что «не стреляй, мужик, меня, бери меня в руки!» — Мужику что-нибудь будто бы бластится, не поверил тому; подчалил (причалился) второй раз стрелять. Потом орел скричал пуще, во второй раз, что «ты, мужик, не стреляй, а бери меня в руки, неси домой!» — То мужик подходит к орлу; орел говорит мужику: «Ты неси меня домой, корми меня три года, я тебе в три раза заплачу!» — Мужик приносит домой; жена ему и сказала: «Что ты несешь чего не надо, несъедобную штуку?» — Орел ответил: «Послушай, умница, кормите меня с мужем три года, я вам втрое заплачу за это!»

Первый год прокормили.— «Выпусти меня погулять: я в себе силу попробую!» — То они выпустили его на вольный свет; он полетал, полетал: «Нет, во мне силы мало: еще год корми!» — Прокормили второй год, выпустили его на волю; полетал, полетал: «Нет, мужик, корми еще год!» — Кормили еще год. — «Ну-ка теперь выпусти меня погулять!» — То он покружился долгое время, насилу и дождалось. Спустился.

«Ну, мужик, садись теперь на меня!» — То он его знял кверху очень далеко; потом сбросил орел с себя мужика этого. Мужик этот летел, мало и свету видал: думал, что «убьюсь». Орел подвернулся под него: «Сиди на мне крепче!» (Не дал ему убиться). Знялся выше еще того, потом сбросил опять с себя... Спустил его на землю. — «Что, мужик, много ли ты свету видал?» —

Сказал, что «я испужался». — «А во второй раз я тебя знял — как ты себя желал?» — «Думал, что ты меня убьешь!» — «Только это я тебе пример делал: как ты меня стрелял, так же и у меня свет померк!.. Теперь садись; я баловаться больше не буду; садись на меня и держись крепче!»

То он прилетает к старшей девице в дом, в дикие леса. То сестра его выходит и со слезами его встречает. — «Родимый ты братец, я тебя не чаяла, что ты и живой! Где ты проживался три года?» — «Я проживался три года — вот он меня кормил. Нужно ему, сестра, заплатить!» — Сестра говорит, что «надо заплатить». — «Сестра, что я запрошу — отдашь или нет мужику?» — «Отдам». — «А что, ты тятенькин сундучок отдашь или нет?» — «Не отдам!» — «Когда не отдаешь сундучок, прощай, больше я к тебе не прибуду!»

Орел посадил мужика, повез; опять полетели. Немножко отлетели. — «Мужик, гляди-ка назад-то!» — говорит. — Мужик посмотрел назад, а дом пламенем загорел у ней, у сестры-то. — «Вот за что, — говорит, — ей!»

То они подлетают к другой сестре. Сестра выходит, со слезами встречает его.—«Родимый братец, где ты проживался три года? Я тебя потеряла!» — «Да, сестра, я вот у этого мужичка проживался три года; он меня кормил, нужно ему заплатить!» — «Заплатить, заплатить, братец, надо!» — «А что, сестра, что я запрошу — отдашь или нет?» — «Что запросишь, — бает, — то и отдам!» — Сказал орел: «Отдай, сестра, тятенькин сундучок ему!» — «Отдам!» — То он говорит: «Собери на 12 столов на серебряных, давай всякого бисершу, напотчуй его, чтобы было чем похвалиться мужику!»

Наташила она ему всякого бисершу: он сроду такой пищи не видал, не то ли что есть! Потом он напился, наелся, поблагодарил хозяев, вылез из стола. То она приташила сундучок, от сундучка подала ему ключик. — «Смотри, молодец, иди вплоть до двора, сундук не отворяй!»

Выходит он из ихова дому; направили они его на дорогу (на путь наставили). Идет он дорогой, сундук потряхивает: в сундуке ничего не трясется. — «Непременно в сундуке ничего нет! Принесу пустой — жена меня заругает». — Сел он на лужочек, взял ключ, отворил сундук. Выходит царство и столько слуг: что тебе угодно, все есть! Начали его угощать, мужика этого.

То он проживался много время. — «Как, — думает, — это бы государство собрать в сундук?» — Сказал мужик на это: «Как бы мне Чуда Морского или

Чуда Лесного, они бы мне собрали сундук!» — Приходит к нему Чудо Лесное. Сказал: «Мужик, что ты думаешь, — я прибыл! А что ты мне заплатишь — я соберу враз?» — Мужик сказал: «Не знаю, что тебе надо за это». — Сказал Чудо Лесное: «Что ты в доме не знаешь, тем заплати мне!» — То мужик думал: «Всю скотину я знаю и все у себя в доме знаю; чего он с меня просит?» — Сказал мужик: «Что я в доме не знаю, тем и заплачу я тебе!» — То сказал Чудо Лесное: «Ты дай от себя подписку, чтобы заплатить, и я также». — То мужик дал от себя подписку. Записку дал (Чудо) мужику: «Если ты не заплатишь, я тебя пожру, живого не оставлю!»

То собрал ему царство в сундук, дал в руки ключик: «Ступай, неси, не отворяй теперь до двора!» — То приносит домой сундучок, а жена его родила сына. (Вот он его в доме и не знает: должен сыном расплатиться.) Тогда жена его заругала: «Шатаешься везде, а здесь и послать за бабушкой некого!» — «Не ругайся, жена! Дело будет ладно». — Отпирает сундук, выходит царство — много слуг и всего довольно. И сделалась жена рада.

Мальчик вырос годов десятку — отдали его в школу учить. Мальчик в течение года сдал экзамен, потом поступил на другой год опять. Второй год сдал он экзамен, научился очень хорошо. То увидел отеческие записи в комоде; мальчик просмотрел, к чему эти записи, и видит: «Если он не отдаст меня Чуду Лесному, то он придет, отца кончит и меня кончит! Дело дрянь!»

Приходит он к отцу в комнату и говорит, что «тятенька, теперь прощай, я не ваш!» — Отец вспомнил, заплакал: сделалось сына жалко. А мать и говорит: «Куды же ты, сын, теперь отправишься?» — Сказал сын: «Я теперь к Чуду Лесному отправлюсь на пожрание, за собранье царства. Чем нам погибать с отцом обоим, так лучше я один погину!» — То они его благословили, дали ему на дорогу хлеба, и он отправился.

Шел он близко ли, далёко ли, низко ли высоко ли — подходит: близ моря стоит избушка. Заходит в эту избушку, а в этой избушке живет старушка. — «Куды же ты, молодец удалой, пошел, куды те путь клонит?» — Я пошел к Чуду Лесному на пожирание». — «Поди же ты вот к этому морю. У моря есть старый корабль, ты залезь в него. У него есть три дочери: одна дочь не выдана, а две замужем. Потом они придут купаться, платье будут замужние бросать вместе, а девица бросит свое платье врозь; тогда девицыно платье ты укради в корабль. Когда она тебе скажет, тогда выброси платье!»

Когда они выкупались, старшие одели платья; девица стала и говорит: «Если старше меня, будь брат родной, а если ровня моя, так будь муж родной!» — То выбросил он ей платье, она приделась, говорит: «Выходи!» — То видит, что он молодой, она взяла его за ручку, взяла и поцеловала: «Будь мой муж родной!»

«Куды же ты пошел?» — «Я пошел к Чуду Лесному на пожирание». — «Я пожрать тебя не дам! Ты идешь к моему отцу. Отец у меня слепой. Я вот полечу, буду из себя пух ронять, ты по пуху и айда!» — То она летит тихо, пух из себя выщипывает; и он за ней бежал очень рысью (торопился). Потом она прилетела к своему дому, сказала ему: «Смотри, милая ладушка, вот я здесь проживаюсь. Какие будет тебе отец задачи задавать, ты приходи ко мне!»

Приходит он к Чуду Лесному в комнату — он сидит на стуле — и говорит: «Здравствуешь, тятенька!» — Чудо Лесное сказал: «Что ты мне за сын? Откуль, какой есть?» — «Я за собрание государства прибыл к тебе на пожирание». — «Нет, я тебя не буду жрать. А есть у меня дочь невеста: тебе совершенны года выйдут, тогда я тебя споженю на ней. Только ты мне исправь, что я тебе задачи какие задам!» — «Ну, задавай задачу!»

«Исправь ты мне сначала на возморье церкву: чтобы у тебя была церква, попы и дьяки, и поутру чтобы был звон!» — Приходит он к ней, затужился. — «Вот твой родитель задал мне задачу — умом непостижно!» — «Какую же он тебе задачу задал?» — «Исправить велит на взморье церкву, чтобы были попы и дьяки, и поутру чтобы звон был!» — «Это, мила ладушка, не твое дело! Ложись спать, утром все готово будет». — То она вышла на крылечко, перебросила с руки на руки колечко — выскочило 25 ухорезов. — «Что ты нас покликаешь, на какой работы посылаешь?» — Она с ними и распорядилась: все это исправить! (Церкву, попов и дьяков).

«Вот тебе, мила ладушка, лодка, на вот весельца, да возьми топор с собой! Подъедет к тебе родитель, скажет: «Это не ладно, это не исправно, это не хорошо!» А ты его скорее обухомхвати его по лбу, чтобы он отлетел от тебя, а сам тогда айда к берегу скорее!» — То сел он на лодку, подъезжает к этой церкви, кругом ездит. Чудо Лесное прибыл к нему. Только Чудо Лесное говорит: «Это не ладно, это надо бы эдак изладить, и это не исправно!» — Тогда он топором-обухом по лбу его ударил, — он отлетел; тогда он отправлялся на берег. Приходит к его дочери в дом; дочь его посылает: «Ступай! Каку он задачу тебе задаст опять?»

Приходит — он в стуле уж сидит. — «А что ты, тятенька, каку ты мне задачу задашь?» — «Есть у меня конь; зятевья не могут с ним владеть, а ты поучи его! Я вижу, что ты хороший человек, ты можешь поучить этого коня!» — То приходит он, вовсе тужит, невесёлый. — «Чё-то, мила ладушка, ты не веселишься?» — «Он мне задал: есть какой-то у вас конь, поучить его велел». — Дочь на то сказала: «Это не конь, а сам он снарядится конем. Ты зайдешь в конюшню, он станет на задние лапы, разынет рот, будет тебя есть. А ты — на вот тебе три прута железных и плеть, и возьми топор с собой! Тогда придешь в конюшню, он станет на задние лапы — ты обухом хорошенько по лбу ударь, чтобы он дал надеть узду на себя; обуздай его тогда!»

То он приходит в конюшню. Заржал конь, стал на задние лапы, несется к нему. Ударил его по лбу — он на коленку пал. Он живо узду надел и обуздал его; начал его прутьями по боку жарить; все прутья исхлестал и по-за коже изсовал. Наконец, хлещет нагайкой по глазам нещадно. До той степени добил, что во-корень он никак не пошел. То он пустил его в конюшню и говорит: «Завтра тятенька мне велит поучить, так я еще лучше ухайкаю (поучу) тебя!» (Похвастался.)

То приходит к нему, а уж он в стуле сидит опять. — «Тятенька, каку ты мне задачу задашь?» — «Завтра я тебе истоплю баню; выпаримся, тогда я тебе большую дам: с моей с малой дочерью живите, чё знаешь, то и делайте, больше я распоряжаться тобой не буду!» — То приходит очень веселый к его дочери он. — «Что-то, мила ладушка, веселый?» — «Да, завтра он хотел истопить баню: выпаримся мы с ним, тогда приказал он с тобой жить — и больше распоряжаться мной не будет!»

Жена ему на то сказала, что «завтра истопит баню жаркую, завалит тебя на каменку, изжарит и съест! Сё дни нечего спать: нам с тобой работа». — Поставила середь полу такой кувшин, начали в кувшин этот плевать слюней. То она наговорила на этот кувшин, потом сама в трубу вылезла и его вынула, а окна запечатала ставнями. — «Пойдем, милый ладушка, теперь к твоему отцу!»

Поутру старик зятевьев он заставлял баню топить. — «Затопите баню, сходите к нему: что они, дома ли?» — То приходят к ихой избе и говорят: «Вы дома ле?» — А в кувшине отвечают слюни, что «дома». — То изготовили баню как следует. — «Ступайте за ним, зовите его сюда, поведем в баню его!» — То приходят за ним, кричали, кричали, а у слюней сила вышла, и голосу не подают. То они приходят, сказали, что «их дома нет, голосу не

подают».

«Подайте мне гадательную книжку: я погляжу!» — То просмотрел: уж они идут в пути. — «Пойдите, садитесь на вершну, айдате, воротите их!» — Сели они верхами, поехали в погоню. Едут они, видят: старушка доит корову. (Она коровой его обвернула, а сама доит.) То они старушке поклонились, спросили: «Не проходил ли молодец с девицей?» — «Нет, батюшки, не видала!»

Воротились они назад. Приезжают, сказывают: «Никого не видали, только видели: старушка доит корову». — «Ступайте, это самые они!»

То они поехали. Она услышала топот. — «Милый ладушка, за нами опять погонюшка едет!» — Обвернула его церковой, сама священником. То подъезжают, шапки перед священником снимают: «Батюшка, — говорит: — не проходили ли молодец с девицей?» — «Никого не видал». — Они воротились назад. То они приезжают, сказывают: «Никого не видали, только видели: стоит церква, мохом обросла и священник старый».

«Ах, она злодейка!.. Нечего вас, полоухих, посылать! Лучше самому ехать». — Вышел на двор, ударился об землю, подумал на петуха — и сделался петухом и полетел.

«Милый ладушка, за нами погонюшка не простая, а родимый тятенька летит петухом!» — Обвернула его орлом, а сама сделалась древой и на древе всякие цветы. Мужу сказала: «Смотри, прилетит, будет цветы рвать, ты тогда не робей: подымись, петуха под себя и рви нещадно, из него чтобы перья летели пуще!» — Тогда исправилась она древой, его исправила орлом; и он сел под древо тогда, орел.

Долетает до этого дерева и сказал Чудовище: «А, это дети мои, дети мои! Я их сейчас ворочу!» — Сел на это древо, начал цветы рвать. А орел поднялся, тогда петуха этого схватил и под себя; давай его мять и рвать, только пух из его летит. Тогда сказал петух: «Батюшка-зятюшка, отпусти меня! Тогда я не буду никогда больше гоняться за тобой: куды вы знаете, туда и ступайте!» — Орел сказал: «Не проси меня, а проси дочери: велит отпустить, так я не стану тебя больше и рвать». — То петух стал умаливать у дочери: «Милая дочь, отпусти! Не буду я больше вас хитить и догонять!» — То она приказала своему мужу бросить его.

То распростились они с родителем. Он отправился домой, также эти пошли к своему отцу. Приводит домой от этого чудовища жену; образовали ее как следует. Приказал повенчаться с ней.

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "[Морской царь и Василиса Премудрая](#)".